

ФРИДРИХ ДЮРРЕНМАТТ

Играем Стриндберга (*Play Strindberg*)

ПЬЕСА

Перевод с немецкого Б. ЗАКСА

ОТ АВТОРА

1948 год. Смотрю в Базеле «Пляску смерти» Стриндберга с участием Марии Файн и Рудольфа Форстера; в памяти остаются актеры, но не пьеса.

1968 год. Прочитываю первые страницы пьесы, нахожу интересной драматургическую идею, но литературное воплощение (плюш × вечность) отталкивает. Пытаюсь произвести обработку путем вычеркивания, то есть обычную для театра обработку Стриндберга. Бросаю. Причина: общепринятые обработки Стриндберга — путем вычеркивания, перестановок, изменений и дополнений текста — искажают Стриндберга; затея тем более сомнительная, что совершается во имя того, чтобы сыграть «подлинного» Стриндберга. Переделать в корне представляется мне честнее. В ноябре 1968 года начинаю переделку на основе подстрочного перевода.

Я заимствую у Стриндберга фабулу и основную драматургическую идею. После того как я исключил литературную сторону пьесы, стала отчетливее близость стриндберговского театрального видения к современному — близость к Беккету, Ионеско, да и к моему «Метеору». Диалог Стриндберга используется как предпосылка для антистриндберговского диалога; пьеса становится пьесой для актеров. Актеру не надо больше заниматься исследованием демонической души, ему предстоит исполнять на сцене до предела сконденсированный и краткий текст.

В декабре 1968 года начались репетиции. В процессе работы с актерами текст частично развивался и все время менялся.

Окончательный текст появился, когда были исчерпаны варианты сценических ситуаций. Из трех актеров возникло единство слаженно играющего трио. Из буржуазной трагедии брака — комедия о буржуазной трагедии брака «Play Strindberg».

Пробел между строками означает долгую паузу, черточка — краткую паузу. Эти указания даны как вспомогательные, для соблюдения ритмичности в произнесении текста.

Позади и по обе стороны сцены — черный бархат, на полу — черный бархатный ковер. В центре — светло-серый круг. Здесь происходит все действие. На этом кругу расставлена мебель. Вне круга, слева и справа, две скамьи, с нужными по ходу пьесы предметами реквизита. Актеры берут их сами. Вверху над сценой — кольцо прожекторов.

Служитель ударяет в гонг.

Появляются Алиса, Эдгар и Курт.

А. Играем Стриндберга.

Э. Август Стриндберг. «Пляска смерти».

К. Переработка Фридриха Дюрренматта.

Курт выходит за пределы круга, садится на скамью с реквизитом (справа).

Э. Первый раунд.

А. Беседа перед ужином.

Гонг.

Алиса, сидя на кушетке, вяжет. Эдгар — в кресле.

Некоторое время на сцене не происходит ничего. Эдгар заводит свои часы.

Э. Сыграй что-нибудь.

А. Что?

Э. Что хочешь.

А. «Песню Сольвейг».

Э. «Шествие бояр».

А. Мой репертуар тебе не по вкусу.

Э. А тебе мой.

А. Тогда я не стану играть.

Э. Дверь открылась.

А. Пойти закрыть?

Э. Как хочешь.

А. Тогда не пойду.

А. Отчего ты не куришь?

Э. Я стал плохо переносить крепкий табак.

А. Кури послабее.

Э. Послабее у меня нету.

А. Куренье ведь твоя единственная радость.

Э. Что такое радость?

А. Не знаю.

Э. Я тоже не знаю.

А. Хочешь виски?

Э. Потом.

Э. Что сегодня на ужин?

А. Спроси у Женни.

Э. Начался лов макрели.

А. Возможно.

Э. Осень наступила.

А. Давно.

Э. Хорошо зажаренная макрель с ломтиком лимона — просто пальчики оближешь.

А. Обжорство — больше тебе ничего не осталось.

—

Э. Есть еще в погребе бургундское?

А. Нет.

Э. Но нам необходимо бургундское.

А. Зачем?

Э. Чтобы отпраздновать нашу серебряную свадьбу.

А. Праздновать двадцатипятилетие наших бедствий — ни к чему.

Э. Иногда у нас складываются очень славные взаимоотношения.

А. Выдумываешь.

—

Э. Скоро все будет кончено.

А. Надеюсь.

Э. От нас останется лишь тачка навоза для огорода.

А. Отвяжись ты от меня со своим вечным навозом.

А. Почта?

Э. Да.

- А. Счет от мясника?
 Э. Да.
 А. Сколько набежало? *(Подходит к Эггару.)*
 Э. Мне нужны новые очки. *(Передает счет Алисе.)*
 А. Ты можешь оплатить этот счет?
 Э. Да.
 А. Сейчас?
 Э. Потом.
 А. Если ты по болезни уйдешь на пенсию, платить придется мне.
 Э. Я здоров как бык.
 А. Это для меня новость.
 Э. Только голова иногда немного кружится.
 А. У тебя самые настоящие обмороки, дорогой мой. *(Снова садится на кушетку, принимается вязать.)*
 Э. Я проживу еще двадцать лет.
 А. Да ну?
 Э. Я не болен, никогда не был болен, никогда не буду болен.
 А. Ты так считаешь.
 Э. Я умру сразу, вдруг, как старый солдат.
 А. Врач другого мнения.
 Э. Врач — идиот.

- А. У врача сегодня полно гостей.
 Э. Пусть.
 А. Нас не пригласили.
 Э. Потому что мы с этими людьми не общаемся, а не общаемся мы с ними потому, что не хотим, а не хотим мы общаться с этими людьми потому, что мы презираем их.
 А. Потому что ты презираешь их.
 Э. Это сброд.
 А. Ты решительно всех называешь так. Только для себя делаешь исключение.
 Э. Я порядочный человек.
- А. Сыграем в карты?
 Э. Сыграем.

Алиса садится за стол. Они начинают играть в карты.

- А. У врача на его званом вечере будет играть военный оркестр.
 Э. Потому что он лебезит перед полковником.
 А. Ты тоже лебезишь перед полковником.
 Э. Мне не надо лебезить перед полковником, меня полковник высоко ценит.
 А. Но военного оркестра тебе никогда не давали.
 —
 Э. Что у нас козыри?
 А. Ты устал?
 Э. Нет.
 А. Значит, у тебя что-то неладно с глазами. Пики.
 Э. Ерунда.
 А. Ты же сказал, что тебе нужны новые очки.
 Э. Каждому могут когда-нибудь понадобиться новые очки.
 А. А еще хочешь прожить двадцать лет.
 Э. Я и проживу двадцать лет.
 А. Пики козыри.
 —
 Э. Шесть плюс восемь — пятнадцать.

А. Четырнадцать.

—

Э. Шесть плюс восемь — четырнадцать.

А. Считать ты тоже разучился.

Э. Когда я устаю, я становлюсь рассеянным.

А. Ты сказал, что не устал.

Э. Я не болен.

А. Музыку даже здесь слышно.

Э. Оркестр никуда не годится.

А. Для офицерских жен — мы не годимся.

Э. Мне это безразлично.

А. Тебе.

Э. Я одинок, всегда был одиноким и всегда останусь одиноким.

А. Я тоже.

Э. Тогда не жалуйся.

А. Детям — не безразлично.

Э. Дети развлекаются в городе.

А. Курт приедет?

Э. Сегодня вечером.

—

А. А нас он навестит?

Э. Его пригласит к себе врач.

А. Но Курт ведь мой кузен.

Э. Невелика честь.

А. Оставьте в покое мою семью, я ведь твою семью не трогаю.

Э. В моей семье никто не бросал жену и детей, как твой кузен.

А. Когда-то ты охотно проводил с ним время.

Э. Подлецы вовсе не обязательно идиоты вроде жителей этого острова, с которыми я никогда не провожу время, потому что они и подлецы, и идиоты.

А. Мой кузен не подлец.

Э. Подлец. Это он нас с тобой сосватал.

А. Знаешь ли ты хоть один счастливый брак?

Э. Экмарки.

А. Она в больнице.

Э. Крафты.

А. Он обанкротился.

Э. Тогда я не знаю ни одного счастливого брака.

Э. Давай играть дальше.

А. Давай.

А. Чудесно, что Курт приезжает как раз к нашей серебряной свадьбе.

Э. Странно, что он хочет обосноваться на этом паршивом острове в должности карантинного надзирателя.

А. Если б мы не поженились, я бы еще играла в театре.

Э. Тем лучше для театра.

А. Я была знаменитой актрисой.

Э. Критики держались иного мнения.

А. Критики — подлецы.

Э. Но не идиоты.

—

Э. Н-да. Выпью-ка я стаканчик виски. *(Идет к буфету, наливает себе*

виски.) За полковника! (Пьет.) Будь тут перекладина для ног, можно бы вообразить себя в американском баре в Копенгагене.

А. В Копенгагене прошла лучшая пора моей жизни.

Э. Помнишь, мы ели у Нимба *navarin aux rommes*?¹

А. Я помню концерты в филармонии.

Э. Мы никогда не бывали в филармонии.

А. Лучшая пора моей жизни, когда я тебя еще не знала.

Э. Ты вышла за меня замуж, чтобы мной хвастаться.

А. Никогда я не могла тобой хвастаться.

Э. Я был знаменитым военным теоретиком.

А. Ни одна душа тебя не знала.

Э. У врача танцуют.

А. Вальс «Альказар».

А. Ты женился на мне, чтобы мной хвастаться.

Э. Никогда я не мог тобой хвастаться.

А. Я была знаменитой актрисой.

Э. Ни одна душа теперь тебя не знает.

А. Давно уже я не танцевала.

Э. Мы стары для танцев.

А. Я на десять лет моложе тебя.

Э. Я проживу еще двадцать лет.

Э. Бутылка пуста.

А. Больше виски нету.

—

Э. Стемнело.

А. Все равно ты ничего не видишь своими больными глазами.

Э. У меня глаза не больные.

А. Ну, пусть Женни зажжет лампу.

Э. Женни нету.

А. Нажми звонок.

Э. Женни ушла.

А. Совсем?

Э. Совсем.

А. Если ушла Женни, уйдет и Кристель.

Э. А если уйдет Кристель, прислуги нам больше не найти.

А. По твоей вине.

Э. Со мной прислуга всегда вежлива.

А. Потому что ты перед ней заискиваешь, а заискиваешь потому, что ты, будучи деспотом, раб по натуре.

Э. Ни перед кем я не заискиваю, ни перед кем не заискивал, ни перед кем не стану заискивать.

А. Вдобавок ты еще лезешь к ним под юбки.

Эдгар усаживается в кресло.

А. Хочешь еще поиграть в карты?

Э. Нет.

Алиса садится на кушетку спиной к публике и снова принимается вязать.

А. Говорят, мой кузен разбогател.

Э. Первый богатый родственник в семье.

А. В твоей семье. В моей немало богатых родственников.

¹ Баранье рагу с картофелем (франц.).

Э. Потому-то твоя семья мне противна.

Застучал телеграф.

А. Кто бы это?

Э. Дети. (Идет к столику, на котором установлен телеграфный аппарат.)

А. Что там?

Э. Юдифь больна.

А. Опять.

Э. Им нужны деньги.

А. Опять.

Эдгар присаживается к аппарату, отбивает ключом сигнал окончания приема.

Э. Дети проявляют слишком мало усердия в школе.

А. Ты и сам ничего не делаешь.

Э. Я был первым учеником в классе, а мой сын проваливается на каждом экзамене, и моя дочь тоже.

А. Поговори с ними.

Э. Поговори ты с ними.

А. Ты трус, всегда был трусом и всегда останешься трусом.

Э. Я был знаменитым военным теоретиком.

А. Я была знаменитой актрисой.

А. Ты зеваешь.

Э. Ну и что.

А. В присутствии своей жены.

Э. А что мне еще остается. Каждый вечер один и тот же разговор.

Э. Не верю я, что твой кузен разбогател.

А. А все-таки он разбогател.

Э. Зачем же ему тогда должность карантинного надзирателя?

А. Сам-то ты даже до майора не дослужился.

—

А. Ужинать не пора еще?

А. Врач заказал для своих гостей ужин в городе, в «Гранд-отеле».

Э. Значит, будут рябчики. Хотел бы я знать, чем эти варвары их за-
пивают.

А. Сыграть тебе что-нибудь?

Э. Только не твою вечную «Песню Сольвейг».

А. Тогда я не буду играть ничего.

Э. Тогда нечего спрашивать.

А. Единственная мелодия, которая тебе нравится, это твое несносное
«Шествие бояр».

Эдгар поднимается, выходит на середину сцены.

Э. Бояре были властелинами!

Алиса смеется.

Э. В погребе есть две бутылки шампанского.

А. Я знаю.

Э. Не достать ли их и не распить ли, словно у нас гости?

А. Это мое шампанское.

Э. Не будь такой экономной.

А. Ты не знаменитый военный теоретик, поэтому я должна эконо-
мить.

Э. Неужели мы не можем хотя бы сегодня быть чуточку приветливее друг с другом?

А. По сравнению с другими вечерами мы сегодня вполне любезны.

—
Э. Сплясать что-нибудь?

А. Ты слишком стар.

Э. И все же, если ты сыграешь «Шествие бояр», я спляшу.

А. Даже тому, кто всех считает идиотами, не обязательно самому вести себя по-идиотски.

Эдгар садится в кресло.

Э. Рябчики — это поистине деликатес, если только не жарить их в сале.

А. В «Гранд-отеле» никогда не жарят их в сале.

Э. Полковник меня высоко ценит.

А. Значит, он здесь единственный подлинный идиот.

Э. Хорошо бы, пожалуй, снова пригласить кого-нибудь в гости.

А. Ты всех отвадил.

Э. Раньше, когда к нам приходили гости, мы чувствовали себя счастливыми.

А. А потом становились еще несчастнее. Только гость радовался уходя.

Стучат в дверь.

Э. Это Кристель.

А. Пойди взгляни.

Эдгар уходит вправо. Затем возвращается.

Э. Да, это Кристель. *(Снова садится в кресло.)* Она тоже решила уйти.

—
А. Мы конченные люди.

Э. Лучше всего — повеситься.

Гонг.

Алиса, Эдгар. Справа входит Курт.

А. Второй раунд.

Э. Наконец-то гость.

Гонг.

Алиса, Эдгар и Курт широко раскрывают объятия.

А. Добро пожаловать, кузен!

Э. Добро пожаловать, Курт!

К. Здравствуй, Алиса! *(Обнимает Алису.)* Здравствуй, Эдгар. *(Обнимает Эдгара.)* Вы все еще живете в башне.

Э. Все еще.

К. Все еще над тюрьмой.

А. Все еще.

К. Вы одни?

А. Дети в городе.

К. А прислуги у вас нет?

Э. Мы свободные люди, мы не переносим рабской челяди.

К. Давненько мы не виделись.

Э. Пятнадцать лет. Мы постарели, как говорится, мхом поросли. Но с честью.

А. Курт несколько не изменился.

Э. Ерунда. Он тоже постарел. Надеюсь, тоже с честью. *(Смеется.)*

- А. Ты останешься у нас.
- К. Я приглашен к врачу.
- Э. Это для тебя не компания.
- К. Врач — мое будущее начальство.

Алиса берет у Курта пальто и шляпу, относит к стоячей вешалке.

- Э. Никогда я не робел перед своим начальством, старина.
- К. Хочется избежать лишних неприятностей.
- Э. Держись за меня, и у тебя не будет никаких неприятностей. На этом острове повелеваю я. Врач — безмозглый шарлатан, он дрожит передо мной. Все на острове дрожат передо мной.
- А. Почти все.

Курт садится на один из стульев, стоящих у круглого стола, Алиса — на другой.

- К. Ладно. Остаюсь.
- А. Пока не найдешь себе квартиру.
- К. Вижу, вы рады мне.
- Э. Конечно рады. В свое время ты поступил чертовски легкомысленно. Будем считать эту историю забытой, я великодушен.
- К. Благодарю.
- Э. Не будем больше говорить об этом. *(Садится в кресло.)*

Эпизод: прием гостя.

- А. Ты много путешествовал?
- К. Да уж, постранствовал по белу свету.
- Э. И теперь тебя выкинуло на берег к тем, кого ты двадцать пять лет назад сосватал. Эх, старина, старина, мы честно прожили свою супружескую жизнь, порой охали, вздыхали, порой нам приходилось дьявольски тяжело, как и полагается в любом браке, но все же наша отставная знаменитость Алиса не может пожаловаться: деньги к нам так и текут, недаром я всемирно известный военный теоретик.
- К. Меня радует, что твой учебник баллистики не устарел.
- Э. Он был и остается основополагающим трудом, хотя нынешние мерзавцы и преподают по никуда не годной книжонке.
- К. Жаль.
- Э. Просто скандал.
- К. Действительно.
- Э. Армию ждет мрачное будущее.
- К. Главное, что ваше супружество выдержало испытания.
- А. Еще как.
- К. Я горжусь, что сосватал вас, как ты, старина, выражаешься, хотя это и не совсем соответствует истине.
- Э. Не будем больше говорить об этом.

- К. Вы были за границей?
- А. В Копенгагене.
- Э. Пять раз. А ты бывал в Копенгагене?
- К. Больше всего я жил в Америке.
- Э. Вот как?
- К. И в Австралии.
- Э. Жутковато, должно быть, в этих местах. Там ведь поселяется сплошь одно жулье.
- К. На Копенгаген там не похоже.

- А. Как твои дети?
- К. Понятия не имею.
- Э. Не сердись, милый Курт, я человек прямой: что думаю, то и говорю. Бросить своих детей на произвол судьбы — это было неумно с твоей стороны.
- К. Я их не бросал на произвол судьбы.
- Э. К тому же и непорядочно.
- К. Они были доверены их матери.
- Э. Не будем больше говорить об этом.
- К. Я несколько не стыжусь говорить об этом. Я рад, что мне удалось выбраться из этой катастрофы.
- Э. Да, что верно, то верно. Боже мой, развод — всегда катастрофа.
- К. Развод? Почему развод? Я говорю о браке. Мой брак был катастрофой.
- Э. Что господь бог сочетал воедино, то люди не вправе разъединять. Курт, перед лицом вечности мы жалкие ничтожества.
- К. Бесспорно.
- Э. Каждый должен нести свой крест.
- К. Дорогой Эдгар, твой брак сложился счастливо. И ты не в состоянии представить себе, что такое несчастливый брак.
- Э. Дорогой Курт, ты безнадежно опустил в своей Америке и Австралии.
- А. Эдгар!
- Э. Опустился. Тот, кто не умеет нести свой крест, — опустившийся человек.
- К. Послушай-ка...
- Э. Не будем больше говорить об этом.
-
- К. Как поживают ваши дети?
- А. Они учатся в школе, в городе, и стали почти взрослыми.
- Э. Юдифь — прекрасная, здоровая девушка, у парня — светлая голова. Не иначе, как быть ему военным министром.
- А. Если выдержит экзамен.
- К. Поздравляю.
-
- Э. Говорят, твои дети оказались очень неспособными.
- К. Возможно. Значит, они в мать.
- Э. Не будем больше говорить об этом.
-
- Э. Хочешь выпить чего-нибудь?
- К. Потом.
- Э. Шампанского?
- К. Чаю.
- Э. Надеюсь, ты не стал одним из лицемеров трезвенников?
- К. Просто стал немного умеренней.
- Э. Настоящий мужчина должен иногда пускаться во все тяжкие.
-
- К. Что за люди на здешнем острове?
- Э. Сброд.
- К. Вы со всеми в ссоре?
- А. Эдгар со всеми в ссоре.
- К. Ужасно, должно быть, жить среди сплошных врагов.
- А. Приятного мало.
- Э. Ничего ужасного тут нет. Всю жизнь у меня были враги, но они ничем не смогли повредить мне, наоборот, они помогли мне. Могу сказать, когда я дам дуба, я ни перед кем не останусь в долгу.

- А. Путь Эдгара отнюдь не был усыпан розами.
 Э. Только собственными силами я добился всего, чем стал.
 К. Не могу того же сказать о себе. С тех пор как я потерпел фиаско в браке, я стал сомневаться в своих силах.
 Э. Ты жалкий неудачник.
 А. Эдгар!
 Э. Жалкий неудачник! *(Ударяет кулаком по столу.)*

Алиса ударяет кулаком по столу.

- Э. Конечно, в один прекрасный день машинка окончательно выйдет из строя, и тогда мы превратимся в тачку навоза для огорода, но пока машинка еще стучит, надо напрягаться изо всех сил. Вот моя философия.
 К. Алиса, твой муж просто изумителен.

Алиса смеется.

- А. Я рада, что тебе у нас нравится.

Курт смеется.

- Э. Ты смеешься надо мной.
 К. Я восторгаюсь тобой.
 Э. Ты явился только для того, чтобы полюбоваться нашими семейными неурядицами.
 К. Старина, но ваш брак ведь сложился счастливо.
 Э. И счастливый брак — это неурядица. Брак вообще неурядица. Погода портится. *(Подходит к барометру.)* Барометр падает.
 А. Ты остаешься?
 К. Остаюсь.
 А. У нас очень простая еда.
 Э. Надвигается буря. *(Стучит по барометру.)*
 А. Он нервничает.
 Э. Я хочу есть.
 А. Иду. Можете пока что пофилософствовать. *(Обращаясь к Курту.)* Не возражай ему, а то у него испортится настроение, и не спрашивай его, почему он не стал майором.
 Э. Приготовь что-нибудь повкуснее, старушка.
 А. Дай денег, получишь что-нибудь повкуснее.
 Э. Деньги! Вечно деньги!

Алиса выходит влево, за пределы сценического круга, и садится на скамью для реквизита.

- Э. Деньги. Деньги. Целый день она только и требует денег, мне прямо-таки начинает мерещиться, что я превратился в кошелек. Но, что ни говори, она прекрасная женщина, исключительная женщина, и когда я вспоминаю твою бывшую жену...
 К. Оставим эту тему.
 Э. Она тоже была прекрасная женщина, но ты не сумел ее воспитать. Муж должен воспитывать свою жену. Воспитывать! *(Садится.)* Вот почему Алиса такая чудесная женщина. Вопреки всему.
 К. Вопреки?
 Э. Да, вопреки. Ведь я ее воспитал. Она верная жена, несравненная мать, но у нее сатанинский характер. Мой милый, в иные минуты я проклинаяю тебя за то, что ты нас сосватал.
 К. Эдгар, дружище, я вовсе не сватал вас.
 Э. Не будем больше говорить об этом.

- Э. Странная штука — жизнь. Я старею вместе со своей женой, напряженно вглядываюсь в вечность и жду, что вот-вот погаснет

искорка жизни. А она неугасима. Ибо у нас дети. Ты тоже вглядываешься в вечность?

Курт смеется.

К. Нет.

Э. Потому что не осмеливаешься вглядеться в нее. Потому что ты бросил своих детей на произвол судьбы.

К. Но я их не бросал на произвол судьбы.

Э. Не будем больше говорить об этом.

К. Как хочешь.

Э. А теперь ты один. Один. Один. Один.

К. Я давно к этому привык.

Э. Разве к одиночеству можно привыкнуть?

К. Посмотри на меня.

Э. Впечатление ты производишь неважное.

—

Э. Извини. Я говорю то, что думаю. Я могу себе позволить говорить то, что думаю. Я подлинный властелин этого острова. Ты знаешь, что такое властелин? Властелинами были бояре.

К. Твои славные бояре.

Э. Да. Они были властелинами.

К. Алиса все еще играет «Шествие бояр»?

Э. Все еще.

К. А ты под эту музыку все еще пляшешь?

Э. Все еще.

К. Как видно, здесь ничто не изменилось.

Э. Во мне жизнь неугасима — не то что в тебе.

—

Э. А чем, собственно, ты занимался последние пятнадцать лет?

К. Мало ли чем.

Э. Разбогател?

К. Малость.

Э. Я не собираюсь просить у тебя займы.

К. К твоим услугам.

Э. Не требуется. Деньги текут ко мне рекой. В тот день, когда они перестанут притекать, Алиса меня оставит.

К. Ты просто-напросто выдумываешь.

Э. Она только того и ждет.

—

Застучал телеграф.

К. Что это?

Э. Поверка времени.

К. У вас нет телефона?

Э. На кухне. Но барышня с телефонной станции разбалтывает, о чем мы говорим, из-за этого мы предпочли пользоваться телеграфом.

К. Ужасно, должно быть, жить на этом острове.

Э. Ужасна жизнь. *(Закуривает сигару.)*

—

К. В твоём возрасте не вредны такие крепкие сигары?

Э. Я здоров как бык. *(Дымит сигарой.)* А ты куришь? Впрочем, ты слабоват для этого.

—

Э. Давай пофилософствуем.

К. Не стоит.

Э. А все-таки пофилософствуем.

К. Как хочешь. *(Пересаживается на другой стул.)*

Э. Ты веришь в бога?
К. Отчасти.

К. А ты?
Э. Тоже отчасти.

Э. А в загробную жизнь веришь?
К. Отчасти.

К. А ты?
Э. Отчасти — не верю.

Э. Веришь ты, что на том свете тоже есть борьба, бури?
К. Отчасти. А ты?

Э. Верю только в полное уничтожение. *(Взгляд его внезапно засты-
вает; Эдгар сидит, уставившись в одну точку.)*

К. А веришь ли... отчасти... *(Удивленно.)* Эдгар! Что с тобой? Эдгар!
(Трясет Эдгара.)

Э. Я умру сразу, вдруг, как старый солдат. *(Взгляд его снова засты-
вает.)*

К. Алиса!

Слева на сцену входит Алиса.

К. Алиса!

А. Что случилось?

К. Не знаю. Твой муж...

А. Знаю. *(Становится на колени возле Эдгара, качает головой, говорит
без тени недружелюбия.)* Ну ты, дряхлый старикашка, опять ты
установился в свою вечность? всю жизнь ты держал меня взаперти
в этой башне, всю жизнь я зависела от твоего настроения, всю
жизнь должна была слушать твою пустую болтовню, всю жизнь
ты пытался быть сильнее меня, но из нас двоих я сильнее, я!

К. Бога ради, Алиса, он ведь может тебя услышать!

А. В этом состоянии он ничего не слышит, ничего не видит. Умри же,
наконец, убогий боярин! Пора тебе стать навозом для огорода!

Эдгар медленно приходит в себя.

Э. Ты что-то сказала?

А. Нет.

Эдгар встает.

Э. Прошу извинить. *(Идет к вешалке, берет форменную фуражку и
саблю.)* Мне надо пойти проверить посты. *(Уходит со сцены, са-
дится на правую скамью для реквизита.)*

Алиса усаживается в кресло.

К. Он болен?

А. Возможно.

К. Потерял рассудок?

А. Возможно.

К. Пьет?

А. Больше хвастает.

К. Что-то с ним все же неладно.

А. Обмороки. Вот уже несколько месяцев. И каждый раз, когда это
случается, я говорю ему все, что думаю.

—

А. Курт, я пригласила тебя поужинать.

К. Да, я немного проголодался.

- А. Мы обеднели. В кладовке — кусочка хлеба и то нет.
 К. Я схожу куплю.
 А. На этом острове ничего не купишь.
 К. Хорошенький остров вы себе нашли, нечего сказать.
 —
 А. Курт.
 К. Алиса.

Алиса поднимается, берет с пианино альбом, садится на стул возле Курта.

Эпизод: альбом с фотографиями.

- А. Хочешь поглядеть наш альбом?
 К. С удовольствием.
 А. Я сама клеивала фотографии.
 К. Прелестно.
 А. Это я в роли Перитты.
 К. Кто это такая?
 А. Подруга Медеи.
 К. Прелестно.
 А. Я в роли Евхариты.
 К. А кто это такая?
 А. Служанка Сафо.
 К. Прелестно. А вот и твой муж — юным лейтенантом.

Эдгар подает команды, сидя на скамье для реквизита.

- А. Если он умрет, я лопну от смеха. А вот — он в чине старшего лейтенанта.
 К. Вы ненавидите друг друга?
 А. Безгранично.
 К. С каких пор?
 А. Давным-давно. Вот я в подвенечном платье, с подружками.

Эдгар командует.

- К. Прелестно. А почему, собственно, ты вышла за него замуж?
 А. Вышла потому, что взял. А теперь мне приходится чистить медную утварь, мыть посуду и натирать полы, топить и варить — ведь все служанки уходят от нас.

Эдгар командует.

- А. Пастор Нильсен. Он нас венчал.
 К. Прелестно. Но расстаньтесь хотя бы.
 А. Мы уже пробовали. Пять лет мы прожили в этой башне врозь, не встречаясь. А потом он снова пришел, разжалобил. Слишком уж было тоскливо.

Эдгар командует.

- К. Прелестно.
 А. Наши дети.
 К. Прелестно.
 А. Двое умерли.
 К. Тебе и это пришлось пережить?
 А. Всё! Двое остались в живых.
 К. Прелестно.
 А. Близнецы. Он настраивает Юдифь против меня, а я настраиваю Олафа против него. Вид острова с юга.

Эдгар командует.

- К. Прелестно. Но почему он считает меня виновником вашей свадьбы?
- А. Чтобы и тебя отвратить от нашего дома. Ты и твоя жена вместе с нами на пароходе.
- К. Я вовсе не сватал вас.
- А. Ты женился не на мне, а на ней.
- К. Я любил свою жену.
- А. До того ты любил меня.
- К. Да. Но ты переметнулась к своему военному теоретику, хотела занять в обществе более высокое положение.
- А. Не надо...
- К. Не будем больше говорить об этом.

Эдгар командует.

- А. Мой муж в чине капитана. Я принадлежу к проклятому полу.
- К. Прелестно.
- А. Я с детьми на пляже.
- К. Прелестно.
- А. Хоть бы море тогда вдруг разыгралось и смыло нас. *(Закрывает альбом.)* Курт, ты должен остаться со мной.
- К. Я остаюсь. Один брак я уже видел в самой непосредственной близости — свой собственный. Ваш еще хуже.

Эдгар командует.

- К. Он окончил свою поверку.
- А. Он злится, что ему нечем поужинать.
- К. Отвлеки его. Приведи в доброе настроение. Сыграй ему что-нибудь.
- А. «Песню Сольвейг». *(Садится за пианино, играет, поет.)*

Курт, облокотясь на пианино, рассеянно отбивает рукой такт.

Эпизод: первое музицирование.

- А. «Зима пройдет, и весна промелькнет, и весна промелькнет; увянут все цветы, снегом их заметет, снегом их заметет».

Входит Эдгар.

- А. «И ты ко мне вернешься, мне сердце говорит, мне сердце говорит; тебе верна останусь, тобой лишь буду жить, тобой лишь буду жить».
- Э. Хватит! Хватит! Опять заныла наша прославленная Дузе. Наверно, уже успела поплакаться благородному возлюбленному юных лет на свою горестную жизнь со страшным рыцарем Синей Бородой? Марш, старая карга, прежде чем сядем ужинать, сыграй «Шествие бояр». Твой властелин явился, он тебе покажет, кто здесь хозяин!

Алиса берет ноты, раскрывает, ставит перед собой на пианино.

- А. «Шествие бояр».
- К. Я помогу тебе. *(Садится рядом с Алисой.)*
- Э. Ну, скорей же! Я хочу поплясать!

Алиса и Курт играют в четыре руки.

Эдгар начинает плясать, пляшет все более неистово, вдруг падает и остается лежать на полу.

Алиса и Курт продолжают играть, ничего не замечая.

- А. Повторим еще раз?

Алиса и Курт снова начинают играть «Шествие бояр». Курт, обернувшись, видит, что Эдгар лежит на полу без сознания.
Алиса тоже оборачивается.

А. Боже мой!

Гонг.

А. Третий раунд.
К. Обмороки.

Гонг.

Эдгар беспомощно сидит в кресле.
Алиса раскладывает пасьянс.
Курт сидит на кушетке.

Э. Полковник меня высоко ценит.

К. Он говорит о полковнике.

А. Он всегда говорит о полковнике.

Э. Жареная макрель с ломтиком лимона.

К. Он говорит о еде.

А. Он всегда говорит о еде.

Э. Рябчики.

К. Дыши глубже.

Э. Что произошло?

К. Ты упал.

Э. Я никогда не падаю.

К. И все же ты упал.

Эдгар, чтобы продемонстрировать свое железное здоровье, встает и направляется вокруг сцены.

Курт, оберегая его, пятится перед ним.

Э. Я сплясал «Шествие бояр»?

К. Конечно.

Э. Отлично сплясал?

К. Я играл с Алисой в четыре руки и не видел, как ты пляшешь.

Э. Я всегда пляшу отлично. *(Останавливается.)*

К. Дыши глубже.

Эдгар глубоко дышит.

К. Теперь тебе лучше?

Эдгар шагает дальше.

Э. Чувствую себя превосходно. Жалоб никаких. Здоров как бык.
(Останавливается.)

Падает вперед. Курт подхватывает его.

К. Алиса, помоги же мне.

А. Не могу я до него дотрагиваться.

Эдгар снова выпрямляется.

Э. Что случилось?

К. Ты чуть не грохнулся.

Эдгар шагает дальше.

Э. Глаза вот стали никуда не годны.

К. Ты болен.

Э. Я не болен, никогда не был болен, никогда не буду болен. *(Останавливается.)*

К. Дыши глубже.

Э. Голова закружилась.

К. Дыши глубже.

Эдгар шагает дальше.

Э. Барометр падает, надвигается буря, оттого и голова кружится.

К. Тебе надо лечь.

Э. Не хочу ложиться.

К. Ну, хоть присядь.

Э. Не хочу садиться.

Закончив обход сцены, оба возвращаются на исходное место.

Эдгар падает, Курт подхватывает его.

К. Алиса! Это ведь твой муж, он нуждается в помощи.

А. Чтобы умереть, не нужна ничья помощь.

Эдгар снова выпрямляется.

Э. Что случилось?

К. Ты опять повалился.

Э. Я проживу еще двадцать лет. *(Садится в кресло.)* Посижу-ка. Я умру сразу, вдруг, как старый солдат.

К. Я позвоню врачу.

Э. Не хочу никакого врача.

К. А я все-таки позвоню.

Э. Не позвонишь. Подонки отключили телефон.

А. Потому что ты так и не уплатил по счету.

К. Тогда я схожу к врачу.

Э. Пусть только явится этот безмозглый шарлатан, я пристрелю его на месте.

К. А я все-таки схожу. *(Уходит вправо в глубь сцены.)*

Алиса раскладывает пасьянс.

Э. Я болен.

А. Я всегда это говорила.

Э. Дай мне воды.

А. Придется. *(Приносит стакан воды с левой скамьи, на которой разложен реквизит.)*

Эдгар пьет.

Э. Благодарю.

А. Теперь-то ты начнешь лечиться?

—

Э. Придется.

А. Тогда лечись.

—

Э. Ты, должно быть, не хочешь, чтобы я лечился?

А. Выкинь это из головы.

—

Э. Мои дела плохи.

А. Я всегда тебе это говорила.

—

Э. Ты только и ждала этого часа.

А. А ты надеялся, что он никогда не наступит.

—

Э. Бояре были подлинными властелинами. *(Снова замирает с остановившимся взглядом.)*

А. Умри же, наконец, убогий боярин, стань навозом для огорода! всю жизнь ты продержал меня взаперти в этой башне, всю жизнь я зависела от твоего настроения, всю жизнь вынуждена была слушать твою дурацкую болтовню, всю жизнь ты стремился показать,

что ты сильнее меня, но из нас двоих я сильнее, я; и от всего мира ты меня так и не смог отрезать, как ты воображаешь, потому что я давным-давно научилась пользоваться телеграфным аппаратом, а ты этого так и не пронюхал.

Эдгар медленно приходит в себя.

Э. Ты что-то сказала?

А. Нет.

Э. Курт вернется?

А. Ему очень хотелось принять приглашение врача.

Э. Значит, он у врача.

Э. Небось уплетает рябчиков?

А. Курт меня не бросит на произвол судьбы.

Э. А для начала лососину?

А. Курт не подлец.

Э. Он подлец и трус, он не отважился сказать, что мы ему надоели и что у врача можно хорошо покушать.

Возвращается Курт.

К. Врач сказал, что он в курсе твоего здоровья.

Э. И что еще? *(Пересаживается на кушетку.)*

К. Ты должен беречься.

А. Я всегда это говорила.

К. Никаких сигар.

Э. Бросаю курить раз и навсегда.

А. Посмотрим.

К. Никакого виски.

Э. Бросаю пить раз и навсегда.

А. Посмотрим.

Э. А что насчет еды?

К. Только молочное.

Э. Безмозглый шарлатан, вот кто этот врач.

А. Ты всегда это твердишь.

К. Он был очень любезен.

Э. Лицемер.

К. Он придет, как только ты пожелаешь.

Э. Пусть веселится со своими гостями дальше. Я чувствую себя отлично. У меня зверский аппетит.

К. Может быть, ему и в самом деле стало лучше.

А. Сейчас снова уставится в одну точку.

Э. Что сегодня на ужин?

А. Спроси у Женни.

Э. Женни уволилась.

А. Спроси у Кристель.

Э. Кристель тоже уволилась.

А. Значит, на ужин ничего нету.

Э. Ты хочешь уморить меня голодом? *(Снова впадает в беспамятство.)*

К. Он опять без сознания.

А. Вот видишь.

К. Я начинаю жалеть его.

А. Что сказал врач на самом деле?

К. Что дело плохо.

А. Он может умереть?

К. Может умереть.

А. Слава богу.

Эдгар снова приходит в себя.

- Э. Я чувствую себя отвратительно.
А. Я всегда это говорила.
Э. Рюмочку коньяку.
А. У нас нет коньяка.
Э. Там играют полонез.
А. Да, у них веселье в полном разгаре.
Э. Я боюсь.
К. Чего?
Э. Гибели, уничтожения.
К. Дыши глубже.
Э. Я не хочу умирать.
К. Дыши глубже.
Э. Я хочу жить.
К. Дыши глубже.
Э. Я жить хочу!

—

Э. Вызовите, пожалуйста, врача из города. Пожалуйста.

Алиса подходит к телеграфу и начинает стучать ключом.

- Э. Ты? Ты умеешь?
А. Умею.

—

- Э. С каких пор?
А. Не первый год уже. *(Заканчивает передачу, возвращается к столу и продолжает раскладывать пасьянс.)*
Э. Телеграфирует. Эта чертовка умеет телеграфировать. *(Впадает в глубокий обморок.)*
К. Алиса.
А. Курт. *(Продолжает раскладывать пасьянс.)*
К. Твой муж... не знаю...
А. Он умер? *(Продолжает раскладывать пасьянс.)*
К. Мне кажется, он в глубоком обмороке.

Гонг.

- Э. Четвертый раунд.**
К. У постели больного.

Гонг.

На кушетке, укрытый одеялом, спит Эдгар. Алиса, сидя в кресле, пудрится, подкрашивается. Курт умывается, нагнувшись над тазом, стоящим на круглом столе. Он в носках, ботинки на полу, возле стула. Его пиджак висит на спинке стула, жилетка — на стоячей вешалке.

- К. Уже рассвело.
А. Только что он храпел.
К. Он уже вышел из беспамятства.

—

- К. Слава богу, ему лучше.
А. К сожалению, ему лучше.

Курт подходит к вешалке, надевает жилетку.

- А. Правда, он выглядит на редкость уродливо?
К. Неужели ты не можешь сказать о нем ни одного доброго слова?
А. Тем не менее он выглядит на редкость уродливо.

Курт возвращается к круглому столу, застегивает рукава рубашки.

- К. Он бывает порой очень добродушным.

- А. Когда что-нибудь замышляет.
 К. У него была очень тяжкая юность.
 А. Расплачиваться за нее он заставляет меня.
 К. На двадцатипятиградусном морозе — без пальто.
 А. Не будь у меня старого пальто из Копенгагена, мне пришлось бы не лучше.
 К. Отец промотал его состояние.
 А. А он мое.
 К. Но он любит твою дочь.
 А. А на меня она кидается с кулаками.

Курт надевает ботинки.

- К. Не снять ли хотя бы сапоги с него?
 А. Без сапог он ничто.
 К. Сходить снова к врачу?
 А. Никуда ты не пойдешь.
 К. Почему, собственно, вы друг друга ненавидите?
 А. Понятия не имею.
 К. Должна же все-таки быть причина.
 А. Мы женаты.
 К. Он в самом деле на редкость уродлив.

Алиса привела себя в порядок и задумчиво смотрит на Курта.

- А. Курт, я не всегда была добра к тебе.
 К. Ты всегда была ко мне добра.

- А. Какой ты терпеливый.
 К. Жизнь меня сделала таким.
 А. Зачем ты приехал на этот остров?
 К. Чтобы занять должность в карантинном надзоре.
 А. Тебе ведь это вовсе не нужно.
 К. Что-нибудь делать — нужно каждому.

- А. Почему ты хочешь стать карантинным надзирателем?
 К. Чтоб найти мир и покой.
 А. Ты несчастлив?
 К. У всех свои трудности.
 А. Ты меня еще любишь?

Эдгар просыпается.

- К. Он проснулся.
 А. Пойду на кухню. *(Берет газ для умывания и уходит влево, к скамье с реквизитом.)*
 Э. Это был целительный сон. Долго я здесь пролежал?
 К. Долго. У тебя был обморок, а потом ты спал.
 Э. Приехал врач из города?
 К. Нет.
 Э. Подонок.

Курт надевает пиджак, ставит табуретку возле кушетки и садится.

- К. Как самочувствие?
 Э. Эта чертовка научилась телеграфировать.
 К. Хочешь, позову здешнего врача?
 Э. Он отсыпается с похмелья.

- К. А пастора?
 Э. Зачем?

К. Чтобы ты мог облегчить свою совесть.

Э. У меня нет совести.

—

К. Нотариуса?

Э. Зачем?

К. Составить завещание. Пусть Алисе хотя бы мебель останется, если с тобой что-нибудь случится.

Э. А что может со мной случиться?

К. То же, что может случиться с каждым.

Э. Ничего со мной не случится, а если случится, чертовка может обойтись без мебели.

Э. Я вот думаю.

К. О чем?

Э. Твоя жена была восхитительным человеком.

К. Возможно.

Э. Жаль, ей суждено было нарваться на такого, как ты.

К. Ну и что?

Э. Ты был банковским служащим.

К. Ну и что?

Э. В Америке и Австралии?

К. Сначала я был официантом.

Э. Тоже пакостная профессия.

К. Потом стал золотоискателем.

Э. Вообще не профессия.

К. В жизни иногда приходится решаться на все.

Э. Тебе, как видно, повезло.

К. Очень.

Э. Все же, когда ты займешь должность в карантине, придется тебе взять детей к себе.

К. Они останутся у матери.

Э. Надо выполнять свой долг.

К. Бесспорно.

Э. Ты явно не способен на это.

Входит Алиса с красными розами в руках, бросает их Эдгару на кушетку.

А. От твоих унтер-офицеров и музыкантов.

Э. Мои подчиненные помнят обо мне.

Алиса садится в кресло, делает маникюр.

Э. Я, как отец родной, воспитываю их, и потому они дрожат передо мной и уважают меня, чувствуют, что я — человек без страха и упрека. Поставь цветы в вазу.

Алиса не трогается с места.

Э. Потом. Я ничуть не растроган, правда ничуть, я солдат, а люди — сброд, но эта неуклюжая забота, ей-богу, идет от души, она не может быть неискренней.

Телеграф начинает стучать.

Э. Юдифь. Моя дочь.

Алиса подходит к аппарату.

А. «Сегодня большой бал, приехать не смогу, желаю поскорее поправиться. Папе не следует так много пить». (Отстукивает сигнал окончания приема.)

Э. Жизнь безотраднa. Любимая дочь следует примеру матери, а я борюсь со смертью.

Алиса снова садится в кресло, продолжает красить ногти.

А. Ты ее настраивал против меня, а теперь это обернулось против тебя самого.

Э. Тьфу, черт!

А. Есть еще и бог.

Э. Я не хочу больше жить.

А. Тогда ложись, наконец, в постель.

Э. Если я слягу в постель, я уже не встану.

А. Ты ведь не хочешь больше жить.

Э. Я обязан жить, даже если не хочу.

А. Никто этого не требует.

Э. Я солдат.

А. Ну, такними хотя бы свои омерзительные сапоги.

Э. Солдату положено всегда быть экипированным.

А. Вечно пустые фразы. Наша страна давно не знает войн.

Э. Единственное поле боя — наш брак.

Застучал телеграф

Э. Это полковник. Он меня высоко ценит.

А. Утвержден твой уход на пенсию.

Алиса отстукивает сигнал окончания приема и возвращается в кресло.

Э. Откуда полковник мог узнать о моем недомогании?

А. Добрые вести попутный ветер разносит.

Э. Я не просил о выходе в отставку.

А. Я просила.

Э. Я не приму отставки.

А. Видимо, полковник не так уж высоко тебя ценит.

Э. Жизнь полна неблагодарности.

—

Э. Я хочу есть.

А. И что же?

Э. Поджарь два бифштекса.

А. Два?

Э. Для меня и Курта.

А. Нас здесь трое.

Э. Ну так — три.

А. А где взять бифштексы?

Э. Купи в ресторане.

А. Дай денег.

Э. У меня нет денег.

А. Значит, и бифштексов не будет.

Э. Возьми в кредит.

А. В кредит нам больше не дают.

Э. Жалкая жизнь.

—

Э. Да, жалкая. Дорогой Курт, на службе отечеству я тридцать лет отдал изучению баллистики, и каков результат: я подыхаю с голоду. Впрочем, ты вряд ли в состоянии постичь, сколь жалка жизнь, — ведь ты сам жалкий человек.

А. Эдгар!

Э. Жалкий и ничтожный!

А. Курт всю ночь продежурил возле тебя — на голодный желудок, потому что у нас даже кофе нет в доме, и ты его еще оскорбляешь!

Э. Дорогой Курт, она бесится оттого, что я этой ночью не умер.

А. Оттого, что ты не умер двадцать пять лет назад.

Алиса и Эдгар восклицают одновременно:

А. Умри же, наконец, убогий боярин, пора тебе стать удобрением для огорода!

Э. Я не болен, никогда не был болен, никогда не буду болен!

—
Э. Чертовски приятная у нас обстановка, чертовски приятная. (Дает розы Курту.) И этот брак, старина, устроил ты. (Поднимается, идет к вешалке, берет саблю и фуражку.) Так. Я иду в ресторан. Съем бифштекс. Потом съезжу в город, к полковнику. (Уходит вправо, в глубь сцены.)

Гонг.

А. Пятый раунд.

К. Домашнее музицирование.

Гонг.

Алиса, сидя за пианино, играет Шопена.

Курт облокотился на пианино слева.

Из глубины сцены выходит Эдгар.

Курт кивает ему.

Эдгар кивает в ответ. Вешает фуражку и саблю на вешалку.

Закуривает сигару. Облокачивается на пианино справа.

Алиса играет заключительные аккорды.

К. Прощальный вальс.

Э. Превосходно.

А. А, это ты.

Э. Что вы здесь подельвали?

А. Мы осматривали остров.

Э. Паршивый островишко.

К. Гавань очень интересная.

А. А что делал ты?

Э. Обедал в городе у Нимба. Колоссально. Navarin aux pommes.

—
Э. Вы, наверно, голодные?

А. Мы поели на паромной пристани.

Э. Там кормят ужасно.

К. Сносно.

Э. Ну да, в Америке и Австралии тебя* не баловали кулинарными изысками.

—
А. Что нового в городе?

Э. Моя отставка аннулирована.

К. Поздравляю.

Э. Полковник меня очень высоко ценит.

—
А. Как ты себя чувствуешь?

Э. Я вернулся с того света.

А. И снова куришь?

Э. Побывал в городе у врача.

А. И что же?

Э. Опять здоров как бык. Проживу еще двадцать лет.

А. Очень мило.

—
Э. Обратный путь на пароходе был просто потрясающим. Море, небо, первые звезды, покой — богом ниспосланный покой.

- А. Ты вдруг заговорил о боге.
 Э. Болезнь очистила мою душу.
 К. Поздравляю.
 Э. Я постиг бессмертие души.
 А. Сожалею о тачке навоза для удобрения огорода. *(Снова играет Шопена.)*

Эдгар отнимает у нее ноты и опускает крышку пианино.

- Э. Моя уважаемая Алиса, я привел нашу жизнь в порядок.
 А. Нашу жизнь?

Эдгар идет к телеграфному столику, кладет сигару.

- Э. Нашу бестолково прожитую жизнь. *(Пританцовывая, делает несколько па. Идет к кушетке.)* Ты, кажется, взволнована?
 А. Ничуть.

Эдгар смеется.

- Э. Начнем с завещания. Насколько мне известно, ты поручила нотариусу составить его. *(Садится на кушетку.)*
 А. Пожалуйста. Вот оно. *(Вынимает завещание из выдвижного ящика круглого стола и подает Эдгару.)*
 Э. Благодарю. *(Надевает очки.)* Новые очки. *(Читает завещание.)* В твою пользу. *(Тщательно разрывает завещание на мелкие клочки, усаживает Алису возле себя на кушетку.)* Уважаемая моя Алиса. По причине столь часто выражавшегося тобой желания положить конец нашему супружеству, по причине бессердечия, проявленного тобой по отношению ко мне и к детям, а также по причине твоей небрежности в ведении нашего хозяйства я подал в городе заявление о разводе. Таким образом, наша жизнь будет приведена в порядок.

- А. Ох!
 Э. Н-да.
 А. А на самом деле по какой причине ты это сделал?
 Э. Я принял решение провести последние двадцать лет моей жизни с женщиной, которая меня любит и принесет в дом тепло, уют, заботу и красоту.
 А. Ты хочешь выкинуть меня на улицу?

Эдгар смеется, встает.

- Э. Я женюсь на бывшей жене Курта.

Курт смеется.

- А. Что же будет со мной?
 Э. Но ты же знаменитая актриса.
 А. Ты промотал мое состояние.
 Э. У тебя кое-что отложено.
 А. Зато у тебя — ничего, кроме долгов.
 Э. У меня лежит в банке двадцать пять тысяч крон.

Курт смеется.

- А. На! Обручальное кольцо. *(Бросает Эдгару кольцо.)*
 Э. Благодарю. *(Прячет кольцо в карман.)* Могу я просить свидетеля принять этот факт к сведению?

Алиса, сидя на кушетке, снова принимается вязать

- А. *(держит спицу во рту).* Могу я, со своей стороны, просить свидетеля принять к сведению тот факт, что мой муж хотел меня убить?
 К. Не может быть.

А. Да, хотел.
К. Как?
А. Он толкнул меня в воду.
К. Где?
А. На мосту.
К. Когда?
А. Два месяца назад.
К. Дичь какая-то!

Э. Ты не можешь доказать это.
А. Ты так считаешь.
Э. У тебя нет свидетелей.
А. Юдифь.
Э. Она всегда помогает мне, а я ей. *(Садится на кушетку рядом с Алисой.)*

Курт смеется.

К. Однако ты прожженный мошенник. *(Садится за пианино.)*
Э. Твоей благовоспитанной дочери Юдифи предстоит аборт, от кого — один бог ведает, я оплачиваю расходы, и она поддержит мою версию происшествия. После этого она может делать, что ей угодно. Она больше не дочь мне. Кстати, она весьма сожалеет, что ты так хорошо умеешь плавать.
А. Она никогда меня не слушалась.
Э. Не будем больше говорить об этом.
К. Ты беспощаден.
Э. Жизнь беспощадна.

Курт начинает наигрывать первые такты «Шествия бояр».

Э. Не будем распространяться и о пьянстве твоего балованного сына, и о том, что его исключили из школы.
А. Я всегда была ему хорошей матерью.
Э. Не будем вообще распространяться о злосчастных плодах злосчастливого брака.
К. Перестань ее мучить.
Э. Надо уметь смотреть правде в глаза.

Курт наигрывает первые такты «Песни Сольвейг».

Э. *(трясаясь от хохота)*. Бездарная актриса чуть не довела добропорядочного офицера до сумасшествия — вот и вся история.

Алиса вяжет.

А. Я все делала для моих детей.

Эдгар с важностью встает, пересаживается в кресло, кладет на стол часы.

Э. Через десять минут — чтоб духу вашего не было в доме. Часы лежат передо мной на столе.
А. Это ты довел детей до того, чем они стали.
Э. Десять минут. Судьба отсчитывает секунды. *(Хватается за сердце.)*
К. Что с тобой?
Э. Ничего.
К. Может быть, мне еще разок к врачу...
Э. Мне ужасно плохо. *(Откидывается в кресле, изображая обморок.)*
К. Опять он впал в беспамятство.

Алиса вяжет.

А. Лучше бы Олаф и Юдифь тоже умерли.
К. Могу я тебе помочь чем-нибудь?

- А. Мне нельзя помочь.
 К. Может быть, он умрет.
 А. Он никогда не умрет.
 К. Ты не должна терять присутствия духа.

Алиса вяжет.

- А. Ты знаешь еще не все. Он вступил в связь с твоей женой пятнадцать лет назад.
 К. Гм.
 А. Когда же, наконец, у тебя откроются глаза?
 К. Я всегда знал это.
 А. Всегда?
 К. Конечно.

- А. Он тебя ненавидит.
 К. Он всех ненавидит.
 А. И ты не хочешь ему отомстить?
 К. Такой развалине нет смысла мстить.
 А. А я хочу отомстить ему.
 К. Чем?
 А. Он сам себя выдал. Он тайком накопил двадцать пять тысяч крон.
 К. Ему, видимо, пришлось невероятно экономить.
 А. Он все просаживал в казино.
 К. Тогда он не мог накопить двадцать пять тысяч крон.
 А. Я знаю, что надо сделать. Он очень дружен с начальником оружейного склада. Их, конечно, связывают совместные интересы. *(Садится на подлокотник кресла, тербит Эдгара за ухо.)* Я сейчас телеграфирую полковнику, что вы с начальником оружейного склада присвоили двадцать пять тысяч, вот тебе, убогий боярин!
 К. Ты уверена?
 А. Иначе такую сумму не объяснить. *(Идет к аппарату, отстукивает телеграмму.)* Мой муж разбил мою жизнь и погубил моих детей. Пусть теперь посидит в тюрьме под этой комнатой, а я буду танцевать «Шествие бояр». *(Танцует.)*
 К. Ты озорница.
 А. Мстить — так приятно!
 К. Ты хорошо танцуешь.
 А. Не только танцую!
 К. Ты уверена?
 А. Попробуй узнать меня получше.
 К. Я хочу узнать тебя получше.
 А. Тогда отомсти за себя.
 К. Теперь мне захотелось отомстить за себя.
 А. У тебя не хватит смелости.
 К. У меня хватит желаний.
 А. Ты слишком благопристоен.
 К. Я вовсе не благопристоен.

Алиса перестает танцевать.

- А. Докажи.
 К. Пойдем в постель.

Алиса снова танцует.

- К. Я хочу спать с тобой.
 А. Умереть бы ему теперь.

К. Тогда бы мы были отомщены оба.

Алиса и Курт уходят со сцены вправо.
Эдгар, ухмыляясь, смотрит им вслед и вприпляску уходит влево.
Гонг.

Эдгар приносит с левой скамьи для реквизита огромный поднос с холодными закусками и бутылку вина, ставит на стол, придвигает кресло к столу. Садится в кресло, повязывает шею большой салфеткой.

Э. Шестой раунд. Одинокий ужин.

Гонг.
Помолившись, Эдгар наливает себе вина. Медленно начинает есть. Пьет, ставит стакан обратно на стол.

Гонг.
Алиса и Курт, поднявшись с правой скамьи, выходят на сцену.

А. Седьмой раунд.

К. Час спустя.

Гонг.
Эдгар продолжает есть.

К. Ты ешь?

Э. Очень вкусно. (Продолжает есть.) Удивительно вкусно. (Продолжает есть.)

А. Давно ты здесь?

Э. Давно — и не теряю времени зря. (Продолжает есть.)

К. Откуда ты взял такую уйму еды?

Э. Из кладовки.

К. Да ведь там нет даже кусочка хлеба.

Э. Дружище, ты еще не знаешь моей жены. Кладовка битком набита всякой снедью.

К. Алиса, этого не может быть.

Алиса ложится на кушетку, достает сигарету.

Э. Ты всю ночь дежурил возле меня на голодный желудок, а она, насколько я ее знаю, время от времени наведывалась на кухню, чтобы подкрепиться.

А. Это неправда.

Э. Стратегия. Перед тобой прикидывалась мученицей, а меня хотела уморить голодом. Не будем на нее в обиде. Я провел в кухне немало отрадных часов, пока она спала. Ведь она себе вбила в голову, что офицер ни за что не полезет в кладовку.

Курт зажигает спичку и подносит Алисе.

Э. Ты куришь?

А. Давным-давно.

Э. За полковника! (Пьет.)

А. Ты совсем поправился.

Э. Сам удивляюсь. Садитесь.

Алиса и Курт не трогаются с места.

Э. Кусочек цыпленка, дражайшая?

А. Спасибо.

Э. Холодного ростбифа, милейший?

К. Нет.

Э. Где вы сегодня так долго были?

А. Мы осматривали крепость.

- К. Весьма интересно. (*Прислоняется к буфету.*)
- Э. Шедевр фортификационного искусства. Макрель — пальчики оближешь. Вас не раздражает, что я смакую все эти деликатесы?
- К. Нисколько.
- Э. Каждый наслаждается на свой лад. За полковника! (*Пьет.*)
- А. Он не телеграфировал?
- Э. Ты ждешь телеграмму?
- А. Я сообщила полковнику, что ты присвоил двадцать пять тысяч крон.
- Э. Как ты до этого докопалась?
- А. Проще простого.
- Э. Мило. Значит, мне — за решетку?
- А. Твое дело.
- Э. Наше дело.
- А. У меня нет двадцати пяти тысяч на счету.
- Э. У меня тоже. Это тайные сбережения самого полковника. Не то чтобы он их присвоил, нет, но у того, кто так много свершил для отечества, не может вся отчетность сойтись тютельница в тютельница — это было бы противоестественно. Я давно хотел обратить внимание полковника на недостачу, теперь ты своей телеграммой напомнила о ней. От страха у него, наверно, все поджилки трясутся.
- А. Ты обманул меня!
- Э. Гм. Славный полковник. Возбуждение дела против меня повлекло бы за собой возбуждение дела против него самого. А поскольку такой оборот с политической точки зрения нежелателен, полковнику не останется ничего другого, как выразить мне свою признательность.

Телеграфный аппарат начинает стучать.

- Э. Слышишь? Телеграф уже стучит. Извещают, что я произведен в майоры.
- К. Наконец-то ты этого достиг.
- Эдгар складывает салфетку.
- Э. Слишком поздно. Дорогой Курт, дорогая Алиса, мое здоровье внушает серьезные опасения.
- А. Мне казалось, ты здоров как бык и проживешь еще двадцать лет.
- Э. Профессор, у которого я был в городе, думает иначе. Мне осталось жить всего несколько месяцев.
- А. Ох!
- Э. Я стою перед лицом вечности.
- А. А развод?
- Э. Какой развод?
- А. Ты же подал в городе заявление.
- Э. Чепуха.
- А. Ты об этом торжественно объявил.
- Э. В самом деле? Ну, значит, мне захотелось пошутить. Подумай о наших детях.
- А. Не смей говорить о детях.
- Э. А почему бы мне не говорить о детях? У меня была в городе серьезная беседа с Юдифью, она мне призналась, что тайно обручена с внуком пастора Нильсена, из нее выйдет отличная пасторская жена, а наш парень, слава богу, сдал экзамены, не очень блестяще, но все же сдал. Убери еду.
- А. Нет.
- Э. Разве ты не рада за наших замечательных ребят?

А. Ты пошляк.

Э. Ха! Я наплел тебе всяких небылиц, а ты оказалась настолько пошлой, что поверила мне.

А. Курт, уйдем.

Э. Вы останетесь.

Алиса встает.

А. Хочешь живи, хочешь умирай — мне безразлично. Курт любит меня. Твоя тюрьма теперь мне ни к чему.

Э. Выслушай одно признание: мой последний обморок был розыгрышем.

А. Ты нам подставил ловушку?

Э. А вы в эту ловушку попались.

Алиса целует Эдгара в лоб.

А. Как чудесно ты придумал. Отомстить тебе на нашем супружеском ложе с Куртом — это было упоительно.

Э. А теперь, пожалуйста, убери еду.

А. Конечно. *(Выносит еду на левую скамью для реквизита.)*

К. История насчет моей жены тоже, конечно, выдумана.

Э. Не следует понимать буквально то, что я иной раз сболтну в шутку: для умирающего важна только вечность.

К. Ты ловко умеешь втирать очки.

Э. Как мошенник?

К. Как мелкий мошенник.

Э. Тебе это лучше знать.

К. Что ты имеешь в виду?

Э. Ты все еще восторгаешься мной?

К. Я просто удивляюсь.

Э. Ты все еще находишь, что я прелестен?

К. Я считаю, что ты смешон.

Э. Твой смех быстро испарится.

К. Что еще ты замышляешь?

Э. Любопытно, а?

К. Проявляю осмотрительность.

Э. Правильно делаешь.

Возвращается Алиса.

А. Ну, а теперь? Можем мы теперь уйти?

Э. Пожалуйста. Но не желаешь ли ты сначала узнать, кто, собственно, этот человек, с которым ты собралась удрать?

К. Прекрасно. Сядем.

Алиса и Курт садятся за стол к Эдгару.

Э. Сыграем в карты?

К. Сыграем.

-
Алиса сдает карты.

Эпизод: вторая игра в карты.

Эдгар вдруг хватается за сердце.

Э. Проклятие...

К. Очередной розыгрыш в виде очередного приступа?

Э. Вы не хотите верить в мою болезнь.

А. Умри, тогда поверим.

Э. Я задыхаюсь.

К. Не следует понимать буквально то, что ты иной раз сболтнешь в шутку.

- Э. Легче стало.
 К. Не спеши.
 Э. Все прошло. Пики козыри.

Играют в карты.

- Э. Дорогой Курт, я не верю, что ты в Америке и в Австралии был золотискателем.
 К. Ай-ай-ай.
 Э. И официантом ты не был.
 К. Что же ты предполагаешь?
 Э. Что ты остался мелким банковским служащим.

Играют в карты.

- К. А мой капитал?
 Э. Он составляет пятьдесят тысяч долларов.
 К. Ты неплохо информирован.
 Э. Я попросил полковника навести справки.
 К. Полковник становится все занятнее.
 Э. Кто-то из наших соотечественников прикарманил в Нью-Йоркском банке пятьдесят тысяч долларов.
 К. Случай мне известный...
 Э. Этот человек ты.

Играют в карты.

- К. Того парня звали Эриксен.
 Э. Под этим именем ты жил в Америке.
 К. Ты уверен?
 Э. Можешь положиться на мое умение сопоставлять факты.
 К. Этого я не принял в расчет.
 Э. Ты многого не принял в расчет.
 К. Полковник намерен меня арестовать?
 Э. Он не знает, что разыскиваемое лицо — это ты.
 К. Ты хочешь меня посадить?
 Э. Я хочу пятьдесят тысяч долларов.
 К. Двадцать два.
 А. Шестнадцать.
 Э. Шестьдесят восемь.
 К. Ты хочешь меня обобрать?
 Э. На этот раз мелкий мошенник ты.
 К. Поделимся?
 Э. Нет.
 К. Сорок тысяч.
 Э. Пятьдесят тысяч.
 К. Две тысячи мне нужны, чтобы добраться обратно в Америку.
 Э. Наймись в матросы. Физический труд пойдет тебе на пользу.
 К. Ты ведь скоро умрешь.
 Э. Мое дело.
 К. Перед лицом вечности — и такое жестокосердие. Трефы козыри.
 Э. Бог меня не осудит.
 К. Сообщи полковнику.
 Э. Я сообщу прокурору. Если я сообщу полковнику, то он сам сорвет этот крупный куш.
 К. Видимо, он гениален.
 Э. Гениален я.
 К. Как разузнал ты о моей... о краже?
 Э. Не тот становится карантинным надзирателем на этом острове, кто богат, а тот, кто ищет укрытия в безопасном уголке.
 К. Проницательно.

Э. К тому же меня удивило, как это ты, со своими ограниченными способностями, мог достичь богатства, в то время как я, с моим капитальным знанием баллистики, живу впроголодь.

К. Тут ты несколько преувеличиваешь, столь плотно закусив.

Э. На этот раз крупный куш сорву я. Семнадцать.

К. Сдаюсь.

У Курта не осталось карт на руках.

Э. Где твои деньги?

К. В одном из стокгольмских банков. На мое настоящее имя.

Э. Выдашь мне чек.

К. Пожалуйста. *(Выписывает чек.)* Пятьдесят тысяч долларов. *(Вручает чек Эдгару.)*

Э. Благодарю. Алиса, теперь ты знаешь, кому ты кинулась на шею. *(Прячет чек в боковой карман кителя.)*

Алиса подсчитывает свои взятки.

А. Восемьдесят восемь.

К. То, что ты со мной проделал, порядочное свинство, дружище.

Э. Ты разрушил счастливый брак.

К. Послушай-ка...

Э. Счастливый брак. Мы были счастливы, и Алиса и я, пока не появился ты. Мы жили в согласии, играли в карты, болтали о том о сем, она играла «Песню Сольвейг», а я плясал под музыку «Шестивия бояр».

К. Ты хотел ее убить.

Э. Ну и что? Я часто хотел ее убить. Каждый брак порождает мысли об убийстве. Так-то. Пора идти проверять посты. *(Встает, идет к вешалке, надевает фуражку, берет саблю.)* В жизни существенно лишь одно умение — умение вовремя отсечь. Зачеркнуть и двинуться дальше. *(Пошатнулся.)* Затем наступает мгновение, когда невозможно ни зачеркивать, ни двигаться дальше, когда не остается ничего, кроме действительности. А действительность ужасна. *(Ему удается овладеть собой.)* Вас я еще могу зачеркнуть. *(Выхватывает саблю из ножен.)* Вон отсюда, развратники, прелюбодеи! Я зачеркнул вас, вы для меня больше не существуете! *(Эдгар с саблей в руках кидается на Алису и Курта.)*

Курт для самозащиты высоко поднимает стул.

Эдгар шатается, падает на кушетку.

Алиса спокойно принимается строить карточный домик на столе.

Курт садится на стул.

Э. *(хрипит)*. Позовите врача.

А. Перестань разыгрывать спектакль.

Э. Позовите здешнего врача.

А. Больше мы на эту удочку не попадемся.

Э. Скорее! Скорее!

А. Да, да.

Э. Я умираю.

А. Вот оно что.

Э. Я умираю.

А. Ай-ай-ай.

Эдгар катается на спине.

Э. Помогите же мне.

Курт ухмыляется.

К. Кончай цирк, приятель.

Э. Помогите. Пожалуйста.

К. Вставай. Пора проверять посты.
 Э. Боже. Боже!
 К. Отсёк. Зачеркнул. Двигайся дальше.
 Э. Я хочу жить! Я хочу жить!
 К. До чего ты смешон, просто умора!

Эдгар больше не шевелится.
 Курт подходит к Эдгару, всматривается, вынимает у него из бокового кармана чек, прячет к себе в карман.

К. Алиса, мне кажется, надо все же позвать врача.

Алиса продолжает строить карточный домик.

А. Да?

Гонг.

Эдгар поворачивает кресло спинкой к публике.
 Алиса ставит на стол тарелку с супом.

Э. Восьмой раунд.

А. Беседа за ужином.

Эдгар сидит в кресле спиной к публике.
 Алиса, сняв с вешалки шинель Эдгара, садится на кушетку и начинает пришивать майорские знаки различия.

Гонг.

Эдгар издает неопределенные звуки.

А. Да-да.

Эдгар издает неопределенные звуки.

А. Ай-ай-ай.

Входит Курт в пальто и шляпе.

К. Здравствуй, Алиса! Здравствуй, Эдгар!

А. Добро пожаловать, кузен.

—
 А. Ты приехал из города?

К. Да, я приехал из города.

—
 К. Как самочувствие Эдгара?

А. Эдгар чувствует себя превосходно.

—
 К. Эдгар, я очень рад, что ты себя чувствуешь превосходно.

Эдгар издает неопределенные звуки.

А. Он не может говорить.

К. Вот как.

А. Он парализован.

К. *(громко)*. Весьма сожалею!

А. Он не слышит.

К. Прелестно. *(Подходит к пианино, берет в руки лежащее там вязанье.)* Ты закончила свое вязанье?

А. Да. Семейный герб Эдгара.

К. Прелестно.

А. Подарок к серебряной свадьбе.

К. Он будет очень рад. *(Ударяет раз-другой по клавишам, прислоняется к пианино слева.)* Что ты делаешь?

А. Пришиваю майорские погоны к его шинели.

Прелестно.

Эдгар издает неопределенные звуки.

К. Что, собственно, он хочет сказать?

А. Что полковник его высоко ценит.
К. Ты понимаешь, что он хочет сказать?
А. Я всегда понимаю, что он хочет сказать.
К. Так, так.

А. Правда, он выглядит на редкость достойно?
К. Немножко бледен.
А. И все-таки он выглядит на редкость достойно?

Эдгар издает неопределенные звуки.

К. А теперь что он хочет сказать?
А. Что проживет еще двадцать лет.
К. Он мужественно переносит испытания.
А. Сознание у него абсолютно ясное.

Гонг.

А. Девятый раунд.
К. Алиса философствует.

Алиса облокотилась справа на кресло.
Курт задумчиво сидит на стуле.

Эпизод: второе философствование.

А. Жизнь — это загадка.
К. Отчасти.
А. Эдгар сказал однажды: похоже, что жизнь нас дурачит.
К. Отчасти так.
А. Я всегда любила его.
К. Возможно. Отчасти.

Гонг.

Алиса сидит на левом подлокотнике кресла.
Курт прислонился к буфету.

А. Десятый раунд.
К. Уход за больным.

Гонг.

А. Да, да, мой любимый. Вот и твой слизистый супчик.

Эдгар издает неопределенные звуки.

К. Что он хочет сказать?
А. Navarin aux rommes, у Нимба.
К. Так, так.
А. Одну ложечку за дочурку, за Юдифь. *(Кормит Эдгара супом.)*
К. Мне пора.
А. Ты едешь обратно в Америку?
К. Да, обратно в Америку.
А. Теперь ложечку за нашего миленького Олафа. *(Кормит Эдгара супом.)* Ты не собираешься вступить в должность карантинного надзирателя?
К. Кто-нибудь другой займет место надзирателя.
А. А теперь ложечку за твою Алису.

Эдгар издает неопределенные звуки.

К. Что еще он хочет сказать?
А. Он хочет сказать, что ты отобрал у него чек на пятьдесят тысяч долларов.
К. Безусловно.

А. Ложечку за пастора Нильсена. *(Кормит Эггара супом.)* Отдай чек.

К. Тебе тоже захотелось меня обобрать?

А. Ложечку за начальника оружейного склада. *(Кормит Эггара супом.)*

К. Ты же меня любила.

А. Ну и что?

К. Ты спала со мной.

А. Ну и что?

К. Так, вообще.

А. Ложечку за полковника. *(Кормит Эггара супом.)*

Эдгар издает неопределенные звуки.

К. Что он хочет сказать?

А. Он говорит, люди — это сброд.

К. Так, так.

А. Покушал, покушал! Хорошо, много покушал! Молодец! *(Ставит тарелку на стол.)* Курт, отдай чек и убирайся.

К. А если не отдам?

А. Тогда мы сообщим прокурору.

К. Ты хочешь предать меня?

А. Ты всего лишь мелкий мошенник.

Гонг.

К. Одиннадцатый раунд.

А. Признание Курта.

Гонг.

Алиса и Курт садятся на кушетку.

К. Мне очень жаль, Алиса. Я вовсе не мелкий мошенник, я крупный бизнесмен. Я не присваивал эти жалкие пятьдесят тысяч, как Эриксен, я нажил миллионы. К мошенникам моего калибра прокурору не подступиться. Но я не собираюсь утомлять тебя рассказами о своих деловых операциях. Подробности моих сделок — не для твоего нежного слуха. *(Гладит Алису по голове.)* Не плачь.

А. Ты важная персона?

К. В моих сферах меня ценят.

А. В каких сферах?

К. В высших.

Эдгар издает неопределенные звуки.

А. Тихо!

Эдгар затихает.

А. Что ты делал в городе?

К. Разговаривал с полковником.

А. Ему достался этот куш?

К. Я сделал его участником одного из моих побочных предприятий. Здешняя карантинная гавань очень удобна для моих торговых судов.

Эдгар издает неопределенные звуки.

К. О чем он?

А. Он командует.

К. Так, так. Три дня, которые я провел с тобой и Эдгаром, пошли мне на пользу. Признаюсь, меня начали было одолевать сомнения морального свойства; у вас мое душевное состояние снова вошло в норму. Я заглянул в ваш маленький мирок. В большом мире,

где я живу, все обстоит ничуть не хуже; только масштабы другие.

Гонг.

Алиса становится справа от пианино,
Курт — слева.
Из-за спинки кресла показывается Эдгар.

Э. Последний раунд. Прощание.

Эдгар садится обратно.

Гонг.

А. Курт, возьми меня с собой.

К. Ты должна остаться с ним.

А. Эдгар был настоящим человеком.

К. Ну да, здесь, на острове, он мог себе это позволить.

А. Курт, все мерзко в этом мире.

К. Люди моего склада, во всяком случае, способствуют его разрушению.

Эдгар издает неопределенные звуки.

К. А теперь о чем он?

А. О тачке навоза для огорода.

К. Алиса, нам пора проститься. Проститься навсегда. Спой мне «Песню Сольвейг». А потом — расстанемся как друзья.

Алиса садится за пианино.

А. *(поет)*. «Зима пройдет, и весна промелькнет, и весна промелькнет; увянут все цветы, снегом их заметет, снегом их заметет!»

К. Прощай, Алиса! Прощай, Эдгар! *(Уходит со сцены влево.)*

Эдгар издает неопределенные звуки.

Алиса поет.

А. «И ты ко мне вернешься, мне сердце говорит, мне сердце говорит; тебе верна останусь, тобой лишь буду жить, тобой лишь буду жить!»

Гонг.

Новое в творчестве Дюрренматта

В 1968—1969 гг. театральная общественность Швейцарии была взволнована неожиданным событием: всемирно известный драматург Фридрих Дюрренматт взял на себя (совместно с режиссером Дюггелином) руководство театром города Базеля. Для Дюрренматта это решение было сопряжено со многими надеждами. Предполагалась демократизация театра — от бесплатных билетов (средства должны были поступать от городских властей) до щедрого ознакомления зрителя с необычайно широким репертуаром, включающим полузабытые, но отнюдь не безытересные сегодня пьесы. Планировались особые вечера, где простое чтение текста чередовалось бы со «студийно» разыгранными сценами.

Дюрренматт проработал в Базеле один сезон, после чего, весьма разочарованный, ушел из театра. Однако за это время состоялись премьеры двух переработанных им пьес — «Короля Иоанна» Шекспира и трагедии Стриндберга «Пляска смерти». Тогда же были задуманы обработки еще двух шекспировских пьес, одна из которых — «Тит Андроник» — была осуществлена уже в следующем году. В интервью Дюрренматт говорил о намерении взяться за «Минну фон Барнхельм» Лессинга.

Обработки чужих произведений заняли, таким образом, существенное место в собственном творчестве драматурга. Некоторые из них оказались не менее значительными, чем «Портрет одной планеты» — единственная вполне оригинальная его пьеса,

опубликованная после «Метеора». Да и вторжение в чужое творчество в ряде случаев было таким решительным, что Дюрренматт с полным правом ставил на титуле свое имя, замечая в скобках: «по Шекспиру» или «по Стриндбергу». В страсти переделывать на свой лад чужие сюжеты Дюрренматт не одинок: достаточно вспомнить имена Брехта, Ануя, Сартра.

В чем же особенность обращения Дюрренматта с текстом чужого произведения?

Прежде всего драматург исходит из своего понимания современного театра. Как и в работе над собственными пьесами (кстати тоже всегда имеющими по две, а то и более редакции), Дюрренматт пытается, по его выражению, «творить вместе со сценой». Перерабатывая свои и чужие пьесы, он подходит к ним не только как драматург, но и как режиссер (вот почему, в частности, так важна для него возможность практического «общения» с театром). Темп и ритм действия, степень концентрированности диалога соотносятся с той скупой, но насыщенной выразительностью, которую выработала современная сцена. Какую бы пьесу ни обрабатывал Дюрренматт, он прежде всего сокращает, сжимает, стягивает. Огромная нагрузка ложится на плечи актера: он должен донести максимум содержания при минимуме слов и времени.

Однако обработки Дюрренматта не стали бы оригинальными произведениями, если бы они состояли только в приспособлении старого содержания к более органичным для нового театра формам. Пьеса трансформируется под напором идеи, которую Дюрренматт ставит своей волей во главу угла.

Если хроника Шекспира «Король Иоанн» посвящена важнейшим вопросам своей эпохи — праву на престолонаследие, идее государственности, — то современный драматург воспользовался тем же материалом в иных целях. И у Дюрренматта речь идет о «королях», однако они теряют всякую величественность. Английский и французский «царствующие дома», претендующие на престол Англии, мазаны одним миром. Они одинаково преступны. Серьезно обсуждается в пьесе другой конфликт — между королевской властью и народом. Как бы подводя итог, в эпилоге звучит вопрос, вложенный в уста умирающего Иоанна: «Разве Англия принадлежит нам, Плантагенетам? А не себе ли самой она принадлежит?» Сходное переосмысление получила забытая театрами ранняя трагедия Шекспира «Тит Андроник». «Четырнадцать убийств, тридцать четыре трупа, три отрубленные руки, один отрезанный язык» — таков, по подсчетам комментатора, кровавый итог этой трагедии (так же как, кстати сказать, и ее переработки — Дюрренматт тут педантично точен). Но если Шекспира волновало бесконечное разнообразие индивидуальных волей, в столкновении которых определялись судьбы страны, то для швейцарского драматурга борьба за власть — трагикомический фарс, обходящийся ценой бесчисленных жертв. Перед дворцом римского императора собирается толпа нищих калек, ищущих справедливости (сцена напоминает переведенную у нас его же радиопьесу «Страницкий и национальный герой»).

Наконец, о дюрренматтовской обработке «Играем Стриндберга» («Play Strindberg»). Пьесы замечательного шведского драматурга Августа Стриндберга (1849—1912), пользовавшиеся известностью в России начала века, до сих пор ставятся на сценах западных театров. Как вспоминает Дюрренматт, он видел «Пляску смерти» вскоре после конца второй мировой войны; перечитывая пьесу, он попытался ее сократить, то есть произвести обычную для современных театров «обработку». Попытка была оставлена, так как, по мнению Дюрренматта, искажала замысел автора. «Переделать в корне, — записал он впоследствии, — представляется мне честнее».

Рассчитанная на постановку в два вечера, «Пляска смерти» Стриндберга по-своему грандиозна. Эта созданная в 1901 г. пьеса воплотила многие характерные веяния той художественной эпохи. Мрачная башня на острове, окруженном бурным северным морем, — уже само место действия вводит в атмосферу возвышенно-таинственную, столь характерную для символических спектаклей. В этой-то башне, в непосредственном соприкосновении со стихиями, и происходят бурные столкновения немолодой супружеской пары — капитана Эдгара и его жены Алисы. Вскоре (как потом и у Дюрренматта, сохранившего ту же сюжетную схему) появляется третье лицо, дальний родственник и бывший поклонник Алисы — Курт. Его тоже захлестывает и постепенно затягивает пучина темных страстей — непостижимой и житейски лишь отчасти объяснимой взаимной ненависти жены и мужа. Герои не властны над своими поступками и чувствами и как будто сами постоянно удивляются себе. Жена ликует, видя мужа умирающим (а в то же время в глубине души любит его); Курт не в силах сохранить дружескую дистанцию и едва вырывается из тисков страстного влечения к Алисе. Добро и зло перемешаны в их душах. Человек для Стриндберга — тайна.

Дюрренматт написал свою пьесу «Играем Стриндберга» на семь десятилетий позже. За это время людям пришлось стать свидетелями и участниками нескольких «плясок смерти», несоизмеримых по масштабам и ужасу с тем, о чем писал Стриндберг. Дюрренматт воспринял старую пьесу как «плюш» (то есть тогдашний буржуазный быт) × «вечность» (мистическую тайну природы человека). Он попробовал посмотреть на предложенную сценическую ситуацию глазами человека XX века, когда многие «тайны» (увы!) стали разгадываться по весьма распространенным трафаретам, а зло, лишенное покрова таинственности, тем и страшно, что обыденно и банально.

В отличие от двух переработок Шекспира пьеса по Стриндбергу как будто

лишена у Дюрренматта социального подтекста — она камерна и, несомненно, предназначена для игры на небольшой сцене. Но, пожалуй, несоциальна она только по видимости...

Светлый круг на сцене, в пределах которого разворачивается действие, обозначает все ту же комнату в башне. Над сценой — кольцо прожекторов: никаких «тайн», все ярко освещено. По бокам круга — две скамьи. На одной из них будет вскоре сидеть Эдгар, когда пойдет проверять посты. Он будет командовать «вхолостую», бросать слова в пустоту — так театральными средствами будет подчеркнута призрачность его власти на острове, которой он так гордится. Проходной мотив у Стриндберга выведен у Дюрренматта на первый план. Его Эдгар — раб и тиран одновременно. Он социально ущемлен и потому так стремится любыми средствами утвердить свое «я» («Все на острове дрожат передо мною!»). «Знаменитый военный теоретик» (о чем знает лишь сам Эдгар), бывшая «знаменитая актриса» — что это: единичный случай или какая-то общая черта в положении и психологии человека XX века с его задавленными притязаниями и насильственно, силой обстоятельств усредненной, «обкатанной» биографией?

Где-то в центре пьесы проходит эпизод, носящий название «Первое философствование». Тут задают вопрос, на который помедлили бы ответить герои Стриндберга, а у Дюрренматта отвечают быстро и с чрезвычайным равнодушием: «Ты веришь в бога? — Отчасти». Зато накал страстей вызывает другой вопрос — деньги, деньги! У Дюрренматта, в отличие от Стриндберга, Курт приезжает на остров разбогатевшим в Америке миллионером. Чек на 50 тысяч, который интригами вымогает у него Эдгар, оказывается лишь малой частью его состояния. И только что переспавшая с Куртом Алиса — здесь не раздумывают, совершая подобный шаг, — с тем же остервенением хватается за эти деньги, когда понимает, что Курт не останется с ней.

В своей переделке Стриндберга Дюрренматт применил все средства, чтобы подчеркнуть общее значение развернутой в ней не совсем обычной истории (общее, разумеется, для той части мира, в которой он сам живет). Курт, например, является на остров не тем порядочным человеком, каким он показан у Стриндберга. Он мошенник крупного калибра. И поэтому взаимная ненависть Алисы и Эдгара его только успокаивает. «В большом мире, где я живу, все обстоит ничуть не хуже; только масштабы другие». Зло шаблонно, всеобщее, захватывает многих. «Ты беспощаден», — говорит Курт Эдгару. «Жизнь беспощадна», — с полным основанием отвечает тот. Перед нами люди, все силы которых сосредоточены на удовлетворении собственного эгоизма. («У меня нет совести», — бросает Эдгар.) В этом аморальном мире душевных ресурсов не хватает даже на заботу о самом близком человеке. Не потому ли развитие пьесы так беспрепятственно быстро? Стриндберга действительно играют — разыгрывают как по нотам. Из пьесы выброшено всякое психологизирование. Диалог исключает «разговоры», он строится на столкновении отточенных формул. Каждой сцене предшествует заголовок: «Прием гостя» (вот как это бывает!), «Первое философствование» (вот как и о чем теперь рассуждают!). В этой пьесе герои не «установились в вечность» — для этого у них нет ни желания, ни сил, ни необходимости. Все понятно и так. Притом обычно, даже слишком обычно. И потому донос называют здесь невинным словом «озорство», а «Песня Сольвейг» звучит нестерпимо пародийно.

Как всегда, Дюрренматт написал «историю, додуманную до конца» (так говорил он о своем способе работать над пьесой). Он изобразил гротескную сатирическую крайность, исключив многообразие возможных жизненных вариантов и никогда не затухающие в людях высокие порывы. Даже молодое поколение, светлое у Стриндберга, втянуто у Дюрренматта в бездуховное существование «отцов».

И тем не менее пьеса Дюрренматта несет в себе глубокий положительный смысл — смысл предостережения. Не случайно, по-видимому, многие драматурги Запада, взволнованные неприкаянностью молодежи и сильнейшим размахом студенческого движения, так часто обращаются теперь к «первой реальности», с которой сталкивается подрастающее поколение, — реальности семьи. (Из немецкоязычных драматургов здесь может быть назван хотя бы Мартин Вальзер с его пьесами «Битва в комнате» и «Детская игра».) Семья часто оказывается безнадежно втянутой в механизм социальных отношений, но не она ли должна стать и первой опорой подростка, дать толчок к самостоятельному общественному поведению и мышлению?

В заключение остается сказать, что Фридрих Дюрренматт, по-прежнему стремясь к работе «вместе со сценой», начал сотрудничество со знаменитым драматическим театром в городе Цюрихе. Пока он поставил непеределанную им пьесу — «Войцека» Бюхнера. Там же должна быть поставлена еще ненапечатанная пьеса Дюрренматта «Соучастник».

Н. ПАВЛОВА

